

УДК 930.23

**ВИЗУАЛЬНЫЙ РЯД ТАТАРСКОГО БУКВАРЯ
НАЧАЛА XX ВЕКА: СОДЕРЖАНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА****Д.М. Галиуллина, А.А. Сальникова***Аннотация**

В статье охарактеризован визуальный ряд татарских новометодных букварей начала XX века, выявлена специфика отображения в них вещно-предметного мира того времени и национально-культурных особенностей татарского народа, определена роль иллюстраций как нового для татарской национальной традиции образовательного текста.

Ключевые слова: национальный букварь, джадидизм, история, культура, татарский народ, визуальный текст.

Модернизационные процессы, происходившие в татарском обществе на рубеже XIX – XX вв., как известно, привели к трансформации национального общественного сознания и имевшейся системы национального образования. Распространение идей джадидизма способствовало появлению джадидских школ, что, в свою очередь, послужило сильнейшим толчком к созданию новых учебников и учебных пособий. Особое место в их числе занимал татарский букварь, которому в силу доступности и массовости распространения принадлежала едва ли не главная роль как в воспитании татарских детей в национальных традициях, так и в приобщении их к достижениям мировой культуры.

К началу XX в. татарский букварь имел уже довольно длительную, многовековую, по утверждению ряда специалистов, историю, что было связано с наличием у татарского народа системы непрерывного образования (от начального до высшего), сложившейся еще до вхождения в состав Московского государства (см. [1, с. 36–37; 2, с. 9] и др.). Букварь был достаточно разнообразен и весьма востребован (см. подробнее [3, 4] и др.). Однако в среде передовых татарских педагогов и общественных деятелей того времени все чаще звучала критика национальных букварных изданий. Наиболее емко она отражена в аналитическом обзоре «Әлифба китапларына тәнкыйть» («Критика букварей», 1909), подготовленном известным татарским историком, археографом и педагогом Г. Ахмаровым. Проанализировав достоинства и недостатки десяти наиболее распространенных татарских букварей, он считал возможным рекомендовать к использованию лишь три-четыре, поскольку остальные издания по содержанию представляли собой бессмысленный набор слов и фраз, в них отсутствовали доступные для детей тексты, к тому же обнаруживались грамматические ошибки и стилистически

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекты № 10-06-01113а, № 11-06-00275а).

неверные конструкции [5, б. 7–8, 28]. Необходимость преобразовать национальный букварь в соответствии с требованиями эпохи была очевидной, и одним из возможных путей достижения этой цели стало включение в него визуального ряда.

Искусство украшать книги казанские татары унаследовали от предков – волжских болгар. Вместе с арабской письменностью в Волжскую Булгарию проникли и традиции восточной каллиграфии, которые получили свое развитие в период Казанского ханства и не были утрачены в XVII – XVIII вв. До открытия в 1797 г. «Азиатской типографии» книги распространялись методом переписывания, поэтому переписчиков по праву можно назвать первыми оформителями книги. Напечатанные в типографии издания в украшении подражали старинным рукописям [6, с. 176]. Главным оставался растительный орнамент, занимавший в восточном изобразительном искусстве одно из основных мест [7, с. 4, 6]. Для создания таких рисунков использовался акцидентный способ печати, реже литографская техника [6, с. 177]. В конце XIX – начале XX в. полиграфический и художественный уровень оформления татарских книг существенно повысился. Появились ярко иллюстрированные издания для детей, например книга «Алтын этэч» («Золотой петушок», 1909) Г. Тукая [6, с. 177–178].

В начале XX в. изменилась и татарская «элифба». Оформление традиционного татарского букваря соответствовало основным канонам ислама: поскольку изображение живых существ запрещалось, какие-либо рисунки, за исключением каллиграфических, в букварях отсутствовали.

Трудно сказать, кто являлся автором первого татарского букваря с картинками, поскольку далеко не все учебники сохранились. Однако оживленная дискуссия относительно необходимости включения иллюстраций в татарские учебники, разгоревшаяся в среде педагогов в тот период, свидетельствовала о том, что отсутствие визуального ряда, невыразительная обложка букварей не удовлетворяли образовательных запросов татарского общества. Впрочем, единого мнения о характере и принципах оформления татарских букварей в то время не было. Одни считали, что рисунки в букварях нужны, поскольку помогают ребенку лучше усвоить учебный материал, другие решительно выступали против их включения, считая, что иллюстрации только отвлекают внимание детей, третьи вообще не видели смысла в изображении предметов, особенно тех, которые можно было увидеть своими глазами¹.

Несмотря на эти споры, в начале XX века все же появились первые татарские буквари с рисунками. Это были буквари Г. Алпарова, Х. Забири, М. Курбангалиева, Х. Максуди, А. Мустафы, Ш. Тагирова [8, б. 51]. Изображения в них были представлены очень ограниченно: в среднем картинки едва ли составляли более 5–10% по отношению к печатному тексту. Наиболее распространенными были изображения предметов быта, а также животных, особенно домашних. Почти все иллюстрации были черно-белыми, многие из них – мелкими и нечеткими. Рисунки сложной композиции встречались редко. Авторы иллюстраций обычно не указывались. По наблюдению ряда исследователей, часто в татарские буквари включались иллюстрации из русских книг [6, с. 178]. Тем не менее можно

¹ Среди участников дискуссии были Г. Ахмаров, Н. Надиев, Ф. Сайфи (Уфалы) и др. [8, б. 50–51].

утверждать, что все эти изображения складывались в некий, пусть пока еще и не вполне совершенный по исполнению и довольно ограниченный по содержанию, визуальный ряд, выполнявший свою особую функцию в процессе обучения.

Среди татарских букварей начала XX века выделялся букварь И.Н. Харитонова «Бүләк» («Подарок», 1912). На его красочной обложке, совершенно необычной для татарских учебников того времени, значилось: «Харитон бабай. Балалар өчен беренче элифба» («Дедушка Харитон. Первый букварь для детей»). Это издание было оригинально иллюстрировано рисунками, специально выполненными для его оформления [9, с. 137].

И.Н. Харитонов приступил к печатанию татарских книг еще в 1902 г. и вскоре вышел на передовые позиции по выполнению заказов татарских издателей [10, с. 47–48]. Именно в типографии И.Н. Харитонова были напечатаны многие татарские буквари. Здесь же создавались и новые образцы арабо-татарских шрифтов, впоследствии ставшие известными как «харитоновские» [11, с. 628], что позволило современникам назвать И.Н. Харитонова реформатором татарского шрифта. В издании татарских книг И.Н. Харитонову помогали каллиграф и будущий классик татарской литературы Г. Камал и известный гравер И. Юзеев [10, с. 52]. Букварь «Бүләк» отразил изменения в начертании арабских букв. В предисловии к нему автор указывает, что буквы в букваре похожи на древнее кувфическое письмо [12, б. 2].

«Бүләк» выделялся из общей массы татарских букварей, в том числе сравнительно большим количеством иллюстраций, хотя все они были черно-белые, а качество печати оставляло желать лучшего – большинство рисунков были неконтрастными и нечеткими. Внимание сразу же привлекала яркая обложка, на которой изображены сидящие за столом мальчик и девочка, с интересом рассматривающие иллюстрированную книгу, очень похожую на букварь «дедушки Харитона». Дети одеты на европейский манер, и только тюрбетейка на голове мальчика и калфак на коротко стриженной голове девочки свидетельствуют о их национальной принадлежности. Рядом со столом на полу котенок удивленно смотрит на игрушечного зайчика на колесах. Это, безусловно, дети из состоятельной татарской семьи, придерживающейся передовых взглядов в организации частного пространства. Окружающий их мир вещей существенно отличается от того, с которым сталкивалось в повседневной жизни большинство татарских детей в начале XX в.

Что касается содержания букваря, то своеобразие его заключалось прежде всего в отсутствии развернутых связных текстов. В букварь были включены только буквы, сопровождающие их рисунки и поясняющие слова. Буквы приводились на арабской графике, на кириллице и на латыни. Некоторые поясняющие надписи к рисункам приводились только на русском языке (например, «рак», «жук», «орел»).

В отличие от изображения на обложке, основную массу иллюстраций в букваре И.Н. Харитонова составляли рисунки вещей и предметов, широко распространенных среди различных слоев татарского населения, причем как городского, так и сельского. Например, топор, пила, горшок, кумган и др. Однако в букваре встречались и рисунки, отражающие реалии, не характерные для татарской культуры начала XX в. Например, на странице с буквой «г» изображены

грибы («гөмбэләр»). Этот продукт, распространенный у соседних народов, в татарской кухне не занимал какого-либо заметного места [13, с. 163]. Имелись также изображения предметов и вещей, с которыми дети, особенно деревенские, могли быть еще не знакомы, например, зонта, циркуля и велосипеда [12, б. 5, 7, 9]. Ранее изображение зонта встречалось только в букварях Х. Забири [14, б. 22; 15, б. 22]. Более понятными и знакомыми, хотя, безусловно, тоже «чужими», выглядели рисунки экзотических фруктов: лимона, фиников на пальме [12, б. 5, 8]. Финики («хөрмә») и другие сухофрукты, как известно, ценились татарами очень высоко и были любимым, но дорогим и изысканным лакомством. Они считались райским фруктом («жәннәт жимеше»): казанские татары не выкидывали даже косточки от фиников – они шли на изготовление четок.

Относительно новым для татарских букварей было изображение в букваре И.Н. Харитонова такого музыкального инструмента, как гармонь [12, б. 7]. Хотя Г. Ахмаров указывал на наличие такого же рисунка в букваре А. Мустафы «Мосаувар элифба» («Иллюстрированный букварь», 1908), он отнесся к появлению этого изображения в издании для детей крайне отрицательно, поскольку, по его мнению, татарский народ привык видеть этот инструмент только в руках у пьяных или в трактирах. Г. Ахмаров считал, что рисунки букваря должны быть простыми и понятными для детей 7–8 лет, и предлагал если не исключить изображения завода, машины, вагона, вулкана или ширмы, то хотя бы подробно разъяснить значения данных слов [5, б. 52].

Большое место в букваре Харитонова занимают сюжетные иллюстрации, отражающие национальную тематику и символику. В частности, именно И.Н. Харитонов одним из первых показал через визуальные тексты место религии и религиозных традиций в повседневной жизни казанских татар. На одном из рисунков букваря изображена мусульманская мужская трапеза в богатом доме. Мужчины, скрестив ноги, сидят на полу, вероятно, во время религиозного праздника [12, б. 7]. Внизу надпись – «зыйфәт». Это арабское, а не татарское слово, означающее ‘прием гостей’. Как известно, в мусульманской культуре разделение на мужскую и женскую половину, особенно у богатых людей, сохранялось не только в повседневной жизни, но и во время бытовых и религиозных праздников (подробное описание татарской свадьбы находим, в частности, у К. Фукса (см. [16, с. 65–77])). Символично и изображение кумгана («кувшина»), без которого невозможно представить себе быт казанских татар [12, б. 9]. Это символ чистоты, опрятности и одновременно религиозности населения¹.

На другом рисунке букваря мужчина по имени Закир в тюбетейке и коротких ичигах с узором совершает намаз [12, б. 5]. Интерьером комната, в которой он изображен, напоминает молельное помещение мечети. Однако рисунок не вполне верно передает религиозный обряд. Во-первых, мужчина не использует молитвенный коврик («намазлык»). Во-вторых, намаз не принято читать в обуви, лишь пожилым мужчинам, особенно зимой, разрешалось надевать поверх ичиг глубокие валяные галоши (киез ката), и тогда обувь в помещении можно было не снимать [13, с. 136]. Нетипично и то, что мужчина обут в ичиги с узором. Вообще ичиги носили и мужчины, и женщины, имевшие хороший достаток.

¹ Именно с помощью кумгана совершается обязательный ритуал омовения перед намазом.

Мужские ичиги обычно были однотонными, с голенищами до колен, а женские изготавливались из кусков разноцветной кожи, «вырезанных тем или иным рисунком, затем сшитых и украшенных по швам шелковой или даже золотой нитью» [13, с. 134–135].

В букваре И.Н. Харитонова найдено отражение и специфика городской архитектуры. На иллюстрации к букве «Й» («йорт») изображен дом [12, б. 10], напоминающий губернские или уездные административные здания. Автор не забыл и о символе татарской культовой архитектуры – мечети [12, б. 8]. Рисунок носит не абстрактный характер: на нем изображена одна из красивейших мечетей Казани – Азимовская мечеть, построенная в 1887–1890 гг. [17; 11, с. 17]. Изображение этой же мечети встречаем в букварях Х. Забири [14, с. 15; 15, с. 32].

Букварь «дедушки Харитона» с его красочной обложкой и разнообразными рисунками был, действительно, подарком для детей. Своей необычностью он привлек внимание Г. Тукая, и поэт посвятил ему стихотворение «Сабитнын укырга өйрәнүе» («Сабит учится читать»)¹. В букваре на иллюстрации к букве «С» изображен мальчик Сабит в национальной одежде, внимательно что-то рассматривающий. Герой стихотворения Г. Тукая – такой же любознательный мальчик, которому отец дарит букварь «дедушки Харитона» («Бу ә-лиф-ба бүләге Харитонов бабаның») [18, б. 221].

Трудно сказать, насколько востребованным оказался букварь И.Н. Харитонова в школах. Но стоит отметить, что это был первый татарский букварь, который мог быть применен для обучения детей с ограниченными возможностями. В конце него приводилась цветная дактильная азбука для глухонемых, взятая из учебника, опубликованного в 1890 г. российским Обществом призрения и образования глухонемых детей [12, б. 12; 9, с. 137]. В букваре И.Н. Харитонова рисунки пальцев и кистей рук, обозначающих буквы, сопровождалась татарскими буквами на арабской графике.

Необходимо отметить, что изображения людей встречались и в букварях Х. Максуди, в частности в букваре «Мөгаллим әүвәл» («Первый учитель»), одном из самых распространенных вплоть до 1917 г. в татарских учебных заведениях. С 1892 г. по 1918 г. этот букварь выдержал 31 издание и был опубликован общим тиражом 1 млн. 200 тыс. экземпляров [19, б. 115]. Интересно заметить, что в данном случае рисунки людей и животных появились в букваре одного из будущих лидеров либерально-демократической мусульманской партии «Иттифак аль-муслимин» («Союз мусульман») и автора многочисленных работ по догматам мусульманской веры [11, с. 336] – букваре, включающем множество текстов религиозного содержания.

Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета располагает более чем десятью изданиями букваря Х. Максуди разных лет, которые довольно существенно отличаются друг от друга. Иллюстрированными из них являются два издания. Первое, 1914 г., включает в себя всего два рисунка. Второе более богато иллюстративным материалом, но не датировано. Анализируя оформление татарских печатных букварей XIX – XX вв.,

¹ Во 2-м томе собрания сочинений Г. Тукая указано, что это стихотворение было напечатано как приложение к татарскому букварю И.Н. Харитонова в 1912 г. и сопровождалось рисунками [18, б. 371]. Как указывает Ф. Ибрагимов, речь идет, скорее всего, о букваре «Бүләк» [8, б. 51].

Ф.Г. Вагапова делает заключение, что при составлении «Мөгаллим әүвәл» Х. Максуди использовал иллюстрации из букваря Ш. Тахири «Рәсемле әлифба» («Букварь с рисунками») 1914 года [9, с. 138], чего нельзя отрицать. Ш. Тахири был первым художником из татар, получившим разрешение на преподавание рисования от Императорской Академии художеств. В свой букварь он поместил городские и сельские пейзажи, сюжетные рисунки с изображением мельчайших бытовых деталей. Например, в изображении интерьера дома зажиточного горожанина можно найти тщательно выписанные элементы декора, ковров, шамаилей и т. д. [20, с. 5]. Кстати говоря, примеры заимствования иллюстраций (как, впрочем, и текстов) встречаются и в других букварях того времени, в частности в букварях Х. Забири и Г. Алпарова [14, 15, 21]. Видимо, это была общепринятая практика, и подобные заимствования не считались плагиатом.

В букваре Х. Максуди изображений людей немного, но каждый рисунок имеет свой глубокий смысл, отражает национальные традиции и ненавязчиво предписывает их исполнение. Так, на одном из рисунков изображена женщина, скорее всего, деревенская, берущая воду из колодца. Она завернулась в шаль или платок, который почти полностью скрывает очертания ее фигуры [22, б. 3]. Как правило, за водой ходили молодые женщины или девушки. Религиозные обычаи запрещали им показывать лицо посторонним мужчинам. «Прикрытием» в таком случае могли служить платок или шаль. Эта достаточно строгая национальная поведенческая норма зафиксирована и в произведениях классиков татарской литературы начала XX в. (см., например, [23]).

В букваре Х. Максуди можно также увидеть и представительницу состоятельных городских слоев татарского населения, изображенную на фоне каменной ограды с решетками [22, б. 18]. Лицо женщины не прикрыто. Хотя разглядеть детали одежды на рисунке крайне сложно, отчетливо видно, что она изображена в платье такого фасона, какой носили зажиточные городские татарки в конце XIX – начале XX в., что подтверждают и фотографии тех лет.

На следующем развороте букваря девочка-подросток среди высокой травы читает книгу. На ее голове нет платка, только маленький калфак, а одежда напоминает гимназическую форму – это простое форменное платье и фартук [22, б. 5]. Такую одежду в начале XX в., судя по имеющимся исследованиям, а также сохранившимся фотографиям, носили не только гимназистки, но и ученицы татарских новометодных школ [24, с. 205]. Букварь отразил, таким образом, те коренные изменения, которые происходили в системе татарского национального образования, в том числе и женского, на рубеже веков.

О серьезных изменениях в отношении женщины, происходивших в татарском обществе, свидетельствуют и иллюстрации в букваре Х. Максуди 1914 г. [25, б. 2]. Вот молодая женщина в обставленной со вкусом комнате сидит в изящном кресле с маленькой девочкой на руках. Рядом с ней – настольная лампа в роскошном абажуре. И обстановка комнаты, и одежда матери и ребенка абсолютно европейские. У женщины волосы уложены по моде того времени, а не заплетены в косы. Девочка коротко острижена, голова не покрыта платком. И только калфак на голове матери – своего рода национальный стереотип – свидетельствует о том, что эта женщина – казанская татарка.

Отдельные элементы европейской моды стали проникать в костюм казанских татар, прежде всего городских, еще в начале XIX в. Описывая праздничный наряд богатой татарки, К. Фукс обращает внимание на то, что «татарки с некоторого времени начали вмешивать в свои наряды европейские украшения: так, например, они обвешивают свои рубашки широкими лентами вроде оборок, чего в старые годы не бывало; рукава у рубашки иные делают уже, чтобы можно было уместить их под браслетами; выпускают височки» [16, с. 70]. Однако вплоть до конца XIX в. эти «модные элементы» не были широко распространены, а потому не могли ни существенно изменить, ни тем более вытеснить традиционный татарский национальный костюм со всеми присущими ему атрибутами. Даже на рубеже XIX – XX вв. облачение в «европейский» костюм требовало известной смелости и свидетельствовало об образованности и передовых взглядах женщины. Так, например, вспоминая свое детство, пришедшееся на конец XIX в., брат известного татарского историка Г. Губайдуллина Абдул-Кадыр писал о своей матери Уммугульсум, принадлежавшей к известному роду казанских купцов и общественных деятелей Айтугановых: «Она была умная и образованная по тогдашнему времени женщина; никогда не была консервативна, как многие татарские женщины, что внешним образом выражалось в том, что она одевала нас в запрещенные нашими обычаями европейские костюмы» [26, с. 187].

Рассматриваемая тенденция коснулась и мужского костюма казанских татар, подтверждение чему находим в визуальном ряде букваря Х. Максуди. На одной из иллюстраций изображены отец с сыном, одетые по новой, «европеизированной» моде того времени [25, б. 2]. На их национальную принадлежность указывают лишь головные уборы. Но если у мальчика это тюбетейка, то у мужчины – феска¹. Рисунок сопровождается надписью «баба рәсеме» (вместо «эти рәсеме» – ‘изображение отца (папы)’). «Баба» – это не татарское, а турецкое слово. И мужчина на рисунке больше похож не на татарина, а на турка, и феска здесь отнюдь не случайна, а знакова. В XIX в. казанские татары испытали сильное влияние турецкой культуры. Это отразилось в одежде, в предметах быта и интерьера. Живя в Крыму², общаясь с местным населением, Х. Максуди, видимо, перенял образ жизни и язык крымских татар, которые в наибольшей степени подверглись влиянию языка и культуры османских турок.

Визуальные тексты «элифбы» начала XX в. свидетельствуют о преобразованиях в организации самого процесса обучения в национальной школе. В татарских букварях появляются изображения таких новых предметов школьного быта, как ученическая парта и классная доска. Их можно увидеть на иллюстрациях к букварю Х. Забири 1907 и 1908 годов издания [14, 15]. Очень близок к нему по оформлению букварь Г. Алпарова «Татар элифбасы», изданный в 1913 г. [21]. В букварях обоих авторов отсутствуют изображения людей, крайне редко встречаются изображения животных и птиц. В связи с тем, что эти буквари в значительной степени были ориентированы на сельскую школу, большое место среди иллюстраций занимают изображения орудий крестьянского труда. По иллюстра-

¹ Следует заметить, что изображения мужчин в фесках встречались и в других татарских букварях того времени. Например, в букваре И.Н. Харитонова на рисунке, иллюстрирующем букву «З», изображен молодой человек по имени «Зариф» с феской на голове [12, б. 7].

² В 1896–1898 гг. Х. Максуди преподавал в медресе «Зынджирлы» в Бахчисарае [11, с. 336].

циям букваря Х. Забири можно проследить их эволюцию. Так, наряду с изображением простого плуга (сабан) в учебнике помещен рисунок и его технически более совершенной модификации [14, с. 29, 33; 15, с. 29, 33]. Национальная специфика представлена в интерьере и предметах быта, которые использовали в повседневной практике широкие слои населения. К ним можно отнести, например, предметы, связанные с ритуалом чаепития, столь популярным у татарского населения. Самовар, маленький фарфоровый чайник и чашки стали к началу XX в. неотъемлемой частью интерьера многих татарских домов, символизируя гостеприимство казанских татар [27; 13, с. 175].

Некоторые татарские буквари начала XX в. содержали изображения, не типичные для такого рода изданий. Так, в букваре Г. Алпарова иллюстрацией к букве «М» является изображение винтовки («мылтык») [21, б. 7]. Вряд ли рисунок имеет какую-то идеологическую нагрузку. Скорее всего, это просто дань времени, стремление «осовременить» учебник. Трактовать этот рисунок можно по-разному, ясно одно – это не призыв к борьбе за независимость. Татарское общество начала XX в., находившееся под влиянием идей джадидизма, ставило перед собой иные цели. Оно стремилось к мирному диалогу с правительством, с русскоязычным населением, к возрождению нации не через оружие, а с помощью просветительства. Дальнейшее развитие национального языка и национальной культуры требовало переоценки многих идейных установок и духовных ценностей, стирало границы между миром «своих» и «других», способствовало расширению их взаимного влияния и обогащения.

Визуальные тексты татарских букварей отражают те изменения, которые произошли в мировоззрении татарской интеллигенции. В некоторых букварях появляется российская государственная символика – изображение флага. В букваре Г. Алпарова это изображение сопровождает русское слово «флаг», а не татарское «элэм». Хотя иллюстрация черно-белая, четко различимо разделение на три полосы, причем верхняя – белая [21, б. 31]. В букваре И.Н. Харитонова тоже изображен флаг с тремя полосами. Этот рисунок также черно-белый, но сопровождает он не букву «Ф», а букву «Г» («галэм») – арабское слово, трансформировавшееся в татарском языке в «элэм») [12, б. 7]. Однако чаще всего в печатных букварях отсутствовали сюжеты об общей и малой родине.

В целом иллюстрации татарских букварей начала XX в. не являлись элементами идеологического воспитания. Однако постепенно и невольно визуальные тексты становились все более важными проводниками нового образа жизни и нового мышления. Дети и детство как таковое были ограниченно представлены в визуальном ряде татарских букварей, поскольку «открытие» детства в татарском обществе еще только намечалось.

Summary

D.M. Galiullina, A.A. Salnikova. Visual Images of a Tatar Primer at the Beginning of the 20th Century: Content and Characteristics.

The article is devoted to the visual images of the Tatar “new methodic” primers published at the beginning of the 20th century. It shows how they represent the object world of that time

and the national-cultural features of Tatar people. The work also determines the role of illustrations as an innovation in the Tatar traditional educational texts, and offers special methods of their reading and interpretation.

Key words: national primer, Jadidism, history, culture, Tatar people, visual text.

Литература

1. *Амирханов Р.* Развитие народного образования у татар в дооктябрьский период // Мәгариф. – 1992. – № 8. – С. 36–39.
2. *Биктимирова Т.* Ступени образования до Сорбонны. – Казань: Алма-Лит, 2003. – 184 с.
3. *Сабирзянов Г.С.* Букварь // Татарская энциклопедия: в 5 т. – Казань: Ин-т тат. энцикл., 2002. – Т. 1. – С. 478.
4. *Галиуллина Д.М., Сальникова А.А.* Отцы и дети в татарских букварях конца XIX – начала XX веков // «Букварь – это молот»: Учебники для начальной школы на заре советской власти, 1917–1932 гг.: Сб. науч. тр. и материалов. – М.: Азимут; Тровант, 2011. – С. 156–177.
5. *Әхмәров Г.* Әлифба китапларына тәнкыйть. – Казан: Үрнәк, 1909. – 63 б.
6. *Червоная С.М.* Искусство Советской Татарии. Живопись. Скульптура. Графика. – М.: Изобраз. искусство, 1978. – 293 с.
7. *Дульский П.* Оформление татарской книги за революционный период. – Казань: Татполиграф, 1930. – 24 с.
8. *Ибраһимов Ф.* Белем әлифбадан башлана. – Казан: Мәгариф, 1994. – 265 б.
9. *Вагапова Ф.Г.* Оформление татарских печатных букварей XIX – XX веков // Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов: Сб. материалов науч.-практ. конф. – Казань: Алма-Лит, 2008. – С. 135–138.
10. *Каримуллин А.Г.* Татарская книга начала XX века. – Казань: Тат. кн. изд-во, 1974. – 319 с.
11. Татарский энциклопедический словарь / Гл. ред. М.Х. Хасанов. – Казань: Ин-т тат. энцикл., 1998. – 703 с.
12. *Харитонов И.Н.* Бүләк. – Казан: Лито-типог. И.Н. Харитонова, 1912. – 12 б.
13. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / Под ред. Н.И. Воробьева, Г.М. Хисамутдинова. – М.: Наука, 1967. – 538 с.
14. *Зәбири Х.* Мәктәп балаларына юлдаш яхүд рәсемле әлифба. – Казан: Типо-литог. Имп. ун-та, 1907. – 50 б.
15. *Зәбири Х.* Мәктәп балаларына юлдаш яхүд рәсемле әлифба. – Казан: Типо-литог. Имп. ун-та, 1907. – 48 б.
16. *Фукс К.* Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. – Казань: Тип. КПО ВС, 1991. – 209 с.
17. *Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2007. – 415 с.
18. *Тукай Г.* Әсәрләр: Шигырьләр, поэмалар (1909–1913). – Казан: Тат. китап. нәшр., 1976. – 399 б.
19. *Вәлиуллин Р.* Татар мәктәп – мәдрәсәләре өчен гуманитар фәннәр буенча дәреслекләр (XIX йөз азагы – XX йөз башы). – Казан: Фән, 2004. – 220 б.
20. *Вагапова Ф.Г.* Шакиржан Тагиров – педагог, просветитель, художник // Шакиржан Тагиров – педагог, просветитель, художник. Альбом. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2008. – С. 4–6.

21. *Алтаров Г.* Татар әлифбасы. – Казан: Лито-типог. И.Н. Харитонова, 1913. – 56 б.
22. *Максуди Һ.* Рәсемле мөгаллим әүвәл. – Казан: Лито-типог. И.Н. Харитонова. – 47 б.
23. *Исхаки Г.* Зиндан: сайланма проза һәм сәхнә әсәрләре. – Казан: Тат. китап нәшр., 1991. – 670 б.
24. *Махмутова А.Х.* Пора и нам зажечь зарю свободы! – Казань: Тат. кн. изд-во, 2006. – 254 с.
25. *Максуди Һ.* Мөгаллим әүвәл. – Казан: Типо-литог. «Умидь», 1914. – 64 б.
26. Автобиография Абдул-Кадыра Губайдуллина // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1998. – № 3/4. – С. 185–189.
27. *Бушков Р.* Казан чәе – тәмле чәй. – Казан, 1994. – 63 б.

Поступила в редакцию
20.12.11

Галиуллина Диляра Магзумовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и источниковедения Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: galiullinadm@mail.ru

Сальникова Алла Аркадьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой историографии и источниковедения Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Alla.Salnikova@ksu.ru